

МЕТОДОЛОГИЯ

*П.А. ОРЕХОВСКИЙ***От перманентной революции
к институциональному дизайну: эволюция
авторитетного дискурса российских экономистов***

Эволюция взглядов на действующие в обществе социально-экономические институты предполагает наличие процесса изменений когнитивности. Этот процесс не является плавным, кумулятивным. В развитии имеют место фазы: 1) революционного сдвига, в ходе которого меняются и основные темы исследования, и сама риторика; 2) совершенствования – разрабатываются инструменты анализа, собираются и дополняются необходимые данные; 3) когнитивного застоя, который характеризуется отсутствием дискуссий о посылках институционального анализа, при этом резко увеличивается количество работ, связанных с измерениями, рейтингами, качеством статистических результатов. Отсутствие кумулятивности связано с травматическим переживанием, вызванным экзогенными по отношению к экономической науке событиями (репрессиями, финансовым крахом, военными действиями и т.д.).

В работе выделяются три таких когнитивных цикла. Первый связан с троцкистской критикой “обуржуазившегося” бюрократического большевистского руководства в конце 1920-х – начале 1930-х гг., необходимости перехода к “перманентной революции” и последующими сталинскими репрессиями. Вопрос о том, являлся ли советский строй социалистическим или это был государственный капитализм, остался открытым, хотя в XXI в. он перестает быть таким острым, актуальным. Второй когнитивный цикл был связан с дискуссиями “рыночников” и плановиков-“кавалеристов” в 1960-е гг. и последующими косыгинскими реформами. Травматическое переживание, связанное с вводом войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. приводит к последующему когнитивному застою. Третий цикл обусловлен радикальными рыночными реформами в странах бывшего СССР в 1990-е гг. Незаконченность реформ и неудовлетворенность их результатами обусловила переход к поискам необходимого институционального дизайна, которые постепенно сменяются очередным когнитивным застоем в конце 2010 гг.

Ключевые слова: дискурс, когнитивные циклы, троцкизм, социализм, институциональный дизайн.

DOI: 10.31857/S086904990005104-6

JEL: A11, A14, B40-41, B52

* Статья подготовлена на основе доклада на XVIII ежегодной международной конференции из цикла “Леонтьевские чтения” – “Институциональная экономическая теория, история, проблемы и перспективы” (15–16 февраля 2019 г. Санкт-Петербург). Публикуется с любезного разрешения руководства Леонтьевского центра, за что выражаю свою признательность А. Заостровцеву.

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский пр., 32. E-mail: orekhovskaya@mail.ru

“В России любой научный семинар гуманитариев плавно превращается в заседание народовольческого кружка”.

С. Кордонский

Методологические замечания

Эволюция взглядов на действующие в обществе социально-экономические институты неявно предполагает наличие процесса изменений когнитивности. В свою очередь, последняя связана не с индивидуальными интеллектуальными особенностями выдающихся экономистов, но со свойствами *коллективного субъекта* познания. Такой субъект формируется и впоследствии проявляет себя через коллективные речевые практики (дискурсы). Он обладает определенной (ограниченной) рациональностью, способен осуществлять разные социальные действия. Более того, у коллективного когнитивного субъекта есть даже собственная эмоциональность, проявляемая, например, через профессиональный юмор и корпоративную этику.

Именно о существовании таких субъектов пишет А. Ассман, проводя границы между индивидуальной, социальной и коллективной памятью [Ассман 2018^a]. Коллективная память долгосрочна, и со временем она трансформируется в *культуру*. Последняя приобретает собственную логику существования и продолжает жить даже после смерти коллективного субъекта. Те или иные символы (книги, картины, памятники), материализованные в объектах культуры, могут впоследствии переинтерпретироваться. Их смысл в таком случае оказывается совсем иным, чем при жизни породившего их коллективного субъекта.

Циклы когнитивности можно выделять только применительно к такому коллективному субъекту. В свою очередь, указанные циклы – основной методологический инструмент, с помощью которого я далее проведу ретроспективный анализ российского институционализма и предложу прогноз дальнейшего развития отечественной институциональной теории.

По моему мнению, эволюция сознания и дискурсивных практик коллективного субъекта имеет следующие фазы:

- революционный сдвиг: меняются и основные темы, и риторика;
- совершенствование: оттачиваются риторика, определения, дополняются подходы;
- застой: упор на количественные, инструментальные измерения, обсуждение качества статистических результатов, их обработки.

Циклы когнитивности, очевидно, имеют аналогии с работой Т. Куна, где он описывает смену научных парадигм, связанных с научно-техническими революциями [Кун 2003]. Другая, еще более близкая по методологии анализа к моей концепции работа была проделана относительно недавно Л. Болтански и Э. Кьяпелло [Болтански, Кьяпелло 2011]. Особенно важным представляется их контент-анализ, связанный с частотой упоминаний того или иного концепта, а заодно и изменение его интерпретации (оны, в частности, демонстрируют это на примере таких концептов, как “проект”, “сеть”, “фирма”).

Ситуация когнитивного застоя в позднем СССР ярко описана А. Юрчаком [Юрчак 2014]. Важная черта указанной ситуации – перформативный сдвиг, который позволяет сохранять в неприкосновенности прежнюю структуру когнитивности, дополняя ее теми или иными семантическими конструкциями, нюансами дискурса, непонятными для постороннего наблюдателя.

Наконец, выделение травматического переживания, которое трансформирует и закрепляет ту или иную структурную когнитивность, выделялось К. Мангеймом. Оно подробно анализируется в уже упоминавшейся работе Ассман. Применительно к России и концепту ее “особого пути” о таком травматическом переживании (фрустрации) хорошо пишет Д. Травин [Травин 2018].

На болезненность смены парадигм указывал еще Кун. Сложность изменения устоявшейся системы взглядов мешает плавному кумулятивному процессу накопления знания

и трансформации той или иной отрасли науки. Применительно к экономической теории травматическое переживание стабилизирует распределение власти в символическом поле. Такие травмы всегда связаны с переходом к другим речевым практикам и необходимостью вытеснения прежних концептов (например, в работах экономистов сейчас крайне редко встречается концепт “издержек сбыта” по Э. Чемберлину – такие издержки влияют на положение и форму кривой спроса и противоречат вере в “независимость потребительских предпочтений”, не говоря уже о марксистских концептах “непосредственно-общественного характера труда” или “личного и вещественного факторов производства”). Такие травмы дополняются трагедией ухода (иногда – физической смерти) прежних авторитетов.

В то же время очередной финансово-экономический крах также может сыграть роль травмы (широко известный пример – появление макроэкономики после Великой депрессии). Большие кризисы, меняя ощущение реальности, играют роль своеобразного катализатора в смене поколений экономистов-теоретиков – авторитет прежних школ оказывается подорванным.

Отвергнутые теории относительно быстро забываются, что связано с общей социально-экономической динамикой. Широкое и сравнительно объективное обсуждение травмы становится возможным “через поколение” – как показывает Ассман, обсуждение холокоста в ФРГ началось ближе к концу 70-х гг. ХХ в. (отмечу, что в СССР аналогичный процесс обсуждения сталинских репрессий пришелся на конец 1980-х – первую половину 1990-х гг.). Новое поколение спокойно относится к тому, в чем участвовали их отцы. Так, немцы, родившиеся в 60-х гг. ХХ в. отвечали на вопросы по поводу холокоста – “мы ничего не чувствуем” [Ассман 2018].

Процесс забывания приводит к тому, что история реинтерпретируется. В обществе реализуется та или иная мемориальная политика: сносятся одни памятники, устанавливаются другие, снимаются “скандальные” фильмы, книги с изложением альтернативной истории получают официальные премии. Для выявления когнитивных циклов, таким образом, требуется герменевтический подход, воспроизводящий “дух эпохи”. Он должен дополняться весьма затратными климатическими исследованиями, что, конечно же, делает использование предлагаемой методологии затруднительным.

Травма, фрустрация – обыденное явление социальной жизни во всех странах мира. Однако в силу определенных ценностных позиций отечественные исследователи предпочтуют применять связанные с этими переживаниями характеристики когнитивного застоя исключительно к России – СССР. Во многом упомянутые ценностные позиции связаны с желанием соответствовать критериям симулякра “мировой науки”, в рамках которой экономика России рассматривается как уродливый институциональный мутант, а экономика богатых западных стран как институциональный нормативный идеал. Известная фраза из пьесы Ж.-П. Сартра “Ад – это другие” в России приобретает совсем иной смысл, относящийся к отечественным властям и официозу. Название социологического бестселлера Юрчака “Это было навсегда, пока не закончилось”, основанного на докторской диссертации, защищенной в США, интерпретируется исключительно как уничтожительная характеристика застойной марксистской мысли в СССР 1970-х–1980-х гг. Однако эту же характеристику можно было применить и к другим ситуациям когнитивного застоя. Например, так могли бы сказать:

- Дж.М. Кейнс о неоклассической теории в 1930-е гг.;
- М. Фридмен и Ф. фон Хайек о кейнсианстве во второй половине 1970-х гг.;
- Дж. Стиглиц, П. Кругман, Х. Мински о неолиберализме после кризиса 2008–2009 гг.;
- И. Валлерстайн, Дж. Арриги и другие сторонники мир-системного анализа о гегемонии США в конце 2010-х гг.

Хотя в следующих разделах работы речь пойдет об эволюции отечественной институциональной теории, я не считаю ее чем-то уникальным. В других (в том числе, западных) странах имели место свои когнитивные циклы. В чем-то они совпадали с российскими, в чем-то – различались. Однако анализ сходства и различий развития национальных институциональных теорий выходит за рамки темы данной работы.

Государственный капитализм, перманентная революция, марксистский официоз и андеграунд

Дискуссии об индустриализации и нэпе в СССР хорошо изучены и описаны (см. например, [Голанд 2006; Эрлих 2010] и др.). Для целей данной статьи достаточно следующей грубой классификации дискурсов:

- марксисты, включая “левый” (Е. Преображенский, Г. Зиновьев, Л. Каменев) и “правый” (Н. Бухарин, И. Рубин и др.) “уклоны”. Доминирующий, авторитетный дискурс;
- “рыночники” (вероятно, правильнее было бы называть их “неоклассиками” – Н. Кондратьев, А. Чаянов, Л. Юровский, В. Новожилов и др.);
- “управленцы” – А. Богданов, А. Гастев.

Это три типа описания имевшейся в 1920-е гг. реальности принципиально расходились друг с другом. В годы доминирования в стране коммунистической идеологии маргинализация немарксистских дискурсов была неизбежной. “Ножницы цен”, кризис нэпа и переход к первому пятилетнему плану вполне логично интерпретировались в рамках марксистской политэкономии.

Выполнение первой пятилетки, “великий перелом” по общему признанию историков знаменовали торжество марксизма-ленинизма (в сталинском варианте). На фоне кризиса 1929 г. и Великой депрессии у советских экономистов формировалось убеждение в верности, прогрессивности новых экономических институтов. Это закрепляло торжество нового дискурса.

Однако одновременно нарастала и марксистская критика нового общественного устройства. Л. Троцкий указывал на то, что основоположники марксизма говорили о всемирной пролетарской революции, поэтому революционный процесс должен быть *перманентным*. Отсутствие продолжения революции за рубежами СССР неизбежно вело к “обуржуазиванию” партийной верхушки, бюрократизации, отрыву вождей от трудящихся масс. Социализм в отдельно взятой стране не может стать настоящим новым строем, это государственный капитализм, где у власти находится советская бюрократия, а не рабочий класс. Необходимо продолжение революции, для чего нужна новая мировая война.

В 1930 г. возникает кризис в Коминтерне, где побеждают сторонники И. Сталина. Однако троцкисты сохраняют обширные связи в международном рабочем движении. В 1938 г. при активном участии Троцкого создается Четвертый Интернационал, члены которого считают сталинский СССР, по-видимому, даже большим врагом, чем “мировой капитал”. Троцкистская критика и призывы к революции, призванной свергнуть власть “обуржуазившихся коммунистов”, в СССР были запрещены. Работы Троцкого и его сторонников было трудно найти даже в советском андеграунде. Репрессии против троцкистов отличались едва ли не большей жестокостью, чем против бывших “открытых” врагов Советской власти, хотя, казалось бы, троцкисты были “своими” – участвовавшими в революции и гражданской войне на стороне большевиков.

Все это привело к тому, что Ассман называет “травмой” с последующим “вытеснением” и “забыванием”. Мероприятия мемориальной политики были проведены настолько эффективно, что даже сейчас, в XXI в., массовые репрессии 1937–1938 гг. выглядят близком “сухорукого параноика”, а Дж. Бернхэм (активный участник Четвертого Интернационала) известен лишь как один из авторов “революции управляющих”. Собственно, и сама история Четвертого Интернационала практически не освещалась в школьных учебниках истории как в советское, так и в постсоветское время.

То, что троцкизм – такая же часть марксизма, как и большевизм, было прочно забыто. Напротив, составление годовых и пятилетних планов превратилось в рутину, а “планомерность”, “общественная собственность”, “распределение по труду” и т.п. стали основными концептами новых речевых практик, полностью легитимизированных после выхода пер-

вого советского учебника политической экономии, включившего разделы политэкономии социализма [Политическая экономия... 1954]¹.

Надо отметить, что троцкизм был не только забыт, но и дискредитирован. Впоследствии авторы, которые, по сути, возвращались к троцкистской критике и проблемам социализма в СССР, никак не связывали свои идеи с наследием Троцкого. Скользкий сюжет наличия бюрократии и господствующего класса (номенклатуры) в СССР и социалистических странах, как показывает Р. Нуриев, уже в 1950-е гг. вновь возрождает М. Джилас, а впоследствии и М. Восленский [Нуриев 2018]. Для того чтобы описать социалистические индустриальные государства как рабовладельческие, К.-А. Виттфогель разрабатывает понятие “гидравлического способа производства”, а впоследствии возникает большая марксистская традиция анализа “азиатского способа производства”, связанная с концепцией нераздельной “власти–собственности” [Нуриев 2011, с. 58–64, 94–107]. Собственно, и сегодня часть левых ортодоксов определяют экономическое устройство СССР как “государственный капитализм”, ссылаясь при этом на В. Ленина², но никак не на Троцкого и Четвертый Интернационал. Травма отечественных марксистов, связанная с историей троцкизма, остается слишком глубокой.

Тем не менее различия в марксистских характеристиках СССР как “свободного прогрессивного” или как “рабовладельческого” государства представляется мне не очень принципиальными – вопрос о перманентной революции перестал быть актуальным, по крайней мере, в настоящее время. Намного более важно отсутствие в марксистских дискурсах *не-утопических* описаний “социализма”, в которых нет господствующего класса, играющего “руководящую и направляющую” роль и не являющегося привилегированным. Отсюда и вопрос о том, каковы должны быть социально-экономические институты *бесклассового общества*, остается открытым.

Здесь также уместно напомнить старую полемику К. Маркса и его сторонников с анархистами во времена Первого Интернационала. Собственно, М. Бакунин и другие анархисты, критикуя концепцию диктатуры пролетариата, уже тогда указывали на утопичность взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, замаскированную популярным диалектическим жаргоном. Судьба анархистов в Советской России немногим отличалась от судьбы троцкистов. При этом, по иронии судьбы, идея анархистского самоуправления получила клеймо утопии гораздо раньше, чем псевдонаучный лозунг диктатуры пролетариата.

Рыночники, “кавалеристы” и “слепое пятно” теории “социализма с человеческим лицом”

Дискуссии 1960-х гг. об экономической политике в СССР не так хорошо изучены, как дискуссии 1920-х гг., что, по-видимому, связано с отсутствием в них “забытых имен”. Работы шестидесятников не запрещали, хотя часть тогдашних экономистов испытывала известные трудности с публикацией статей и книг. С другой стороны, не может не удивлять, что монографий по истории политической экономии социализма в СССР очень мало, основной по-прежнему является фундаментальная работа, выпущенная под редакцией Д. Трифонова и Л. Широкорада [Трифонов, Широкорад 1983], но даже эта работа не переиздавалась в постсоветское время.

Споры шестидесятых шли в основном внутри марксистского дискурса, вокруг роли “закона стоимости” и “товарно-денежных отношений” при социализме. Несколько упрощая, можно выделить две основные позиции:

¹ Среди его авторов были К. Островитянов, Д. Шепилов, Л. Леонтьев, И. Лаптев, И. Кузьминов, Л. Гатовский и др.

² “...социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией” [Ленин т. 34, с. 192]. Стоит отметить, что это написано в октябре 1917 г. до прихода большевиков к власти.

– “рыночники” отстаивали необходимость перехода к “преимущественно экономическим” методам управления. В СССР постепенно проникали идеи “скандинавского социализма”, “экономики благосостояния”, немецкой “социальной рыночной экономики”;

– плановики-“кавалеристы” настаивали на преимуществе и *ведущей роли* административных методов. Переход к “экономическим методам” порождал проблему снижения инвестиций с последующим падением темпов экономического роста, что было связано со снижением объема централизуемых и перераспределяемых ресурсов.

При этом быстро развивавшаяся школа системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), связанная с применением экономико-математических методов и моделирования использовала принципиально иной дискурс. Производственные функции, линейное программирование и т.д. приводили к проникновению неоклассики в экономическую теорию социализма через формально-нейтральные математические выражения. Марксистский диалектический жаргон и реабилитированная после гонений 1940-х гг. кибернетика сосуществовали в параллельных социальных пространствах. Экономисты-математики поневоле становились своеобразными “попутчиками” рыночников. Хотя теоретически “оптимальный план” мог реализовываться и при идеальной бюрократической диктатуре, но “кавалеристы” справедливо воспринимали кибернетику как нечто враждебное и чуждое. В свою очередь, естественно, что различные варианты западного государственного регулирования были экономистам-математикам гораздо ближе и *понятнее*, чем директивное сталинское планирование, эффективность которого обеспечивалась во многом за счет угрозы репрессий к саботажникам и расхитителям.

Косыгинская реформа 1965 г. ретроспективно представляется победой “рыночников”: переход на “хозрасчет”, ориентация предприятий “на прибыль”, признание предприятий и производственных объединений самостоятельными хозяйственными акторами, имеющими “экономическую обособленность”. Все это совпадало с трансформацией социализма в Венгрии, Чехословакии (рыночный социализм, социализм с “человеческим лицом”), а впоследствии – и с реформами Дэн Сяопина в Китае. Постепенно в СССР популяризуются идеи конвергенции систем, которые однозначно характеризуются “кавалеристами” как “правый ревизионизм”. И “кавалеристы” берут реванш после событий 1968 г. в ЧССР.

1968 г., как, впрочем, и более ранние события в ГДР и Венгрии, вследствие проведения соответствующей мемориальной политики принято интерпретировать как неудавшиеся восстания либеральных реформаторов и их сторонников против сталинской модели управления. Но по сути все эти события следует рассматривать как геополитические вызовы, в ходе которых их инициаторы пытались пересмотреть итоги Второй мировой войны. В результате часть советских коммунистов, которая была позиционирована как “левая”, “прогрессивная”, “реформаторская”, неожиданно для самих себя оказалась в одном лагере с западными “правыми” неолибералами, мечтавшими о крушении СССР и распаде того, что раньше было принято называть мировой социалистической системой.

Размежевание “рыночников” с их восточными коллегами, признание того, что борьба ведется за национальные, а не за общие либеральные интересы, было невозможным для российских прогрессистов ни в 1960-е, ни в 1970-е гг. Намного проще было принять концепцию “оттепели, сменившейся застоеем”, который навязали СССР эпигоны сталинизма. Это позволяло “сохранить лицо” демократического гуманиста, боровшегося “за вашу и нашу свободу”. Естественно, что это переживалось как глубокая психологическая травма.

Последовавшая мемориальная политика привела к “зачистке левых” – от широкой практики увольнения из академических институтов “неблагонадежных” научных сотрудников как “не прошедших переаттестацию” до полного реформирования целых институтов, как произошло в 1972 г. с Институтом конкретных социальных исследований АН СССР. В результате этой реорганизации были уволены не только наиболее “проштрафившиеся” сотрудники (Ю. Левада, И. Кон, А. Галкин и др.), но и освобожден от должности директор института академик А. Румянцев. Преобразованный институт даже сменил название на Институт социологических исследований АН СССР.

В связи с открытием нефтяных месторождений в Западной Сибири руководством СССР, по-видимому, неосознанно был сделан выбор в пользу “экстенсивного” пути развития вместо интенсификации НИОКР и структурной перестройки, связанной с новыми технологиями формирующегося постиндустриального общества. В общих чертах, таковы нынешний официальный дискурс отечественной экономической и политической истории. Естественно, что в этом дискурсе невозможно обсуждать правомерность действий Коммунистической партии Китая в отношении протестовавших студентов на площади Тяньаньмэн в 1989 г. Подавление этих выступлений привело к многочисленным жертвам, однако отчего-то это не вызвало перехода к застою и стагнации китайской экономики. Еще более любопытный парадокс российского общественного сознания – отношение к украинским “онижедетям” на Майдане в 2013–2014 гг. Победа “революции достоинства”, в отличие от “Пражской весны”, не вызывает у нынешних российских интеллектуалов восхищения, а экономические успехи украинских “рыночников” почему-то не впечатляют отечественных либеральных экономистов.

Кроме того, в ретроспективе удивительным выглядит и поведение взявших реванш “кавалеристов”, которых представляют продолжателями сталинской волонтистской политики. Административные методы управления, включая директивное планирование, по существу не предполагали высокой личной ответственности руководителей предприятий, не выполнявших планы. Но эта общеизвестная проблема почти не обсуждалась взявшими реванш “правыми” коммунистами в дискурсе “вредительства и саботажа”. Вместо этого требовалось *совершенствовать качество планирования и управления*. И если травмой рыночников были события 1968 г., то для “кавалеристов”, по-видимому, такую роль сыграло разоблачение культа личности Сталина. В этом отношении Юрчак правильно отмечает произошедший перформативный сдвиг в дискурсе советских “правых” – несмотря на все речи о “социализме, который находился в историческом наступлении”, осуществлять большевистские практики управления всерьез никто не собирался. Более того, уже во второй половине 1970-гг. прежние различия между “рыночниками” и “плановиками” исчезают – формально все теоретики признают преимущество экономических принципов управления, а товарно-денежные отношения, которые при капитализме были стихийными, при социализме становятся планомерными. Задним числом советские “правые” образца застоя и перестройки выглядят очень странно.

Центральной проблемой, которую пытались решить политэкономы 1970-х и 1980-х гг., была организация “правильной” системы стимулов и санкций. В то время она формулировалась как поиск “оптимальной системы распределения конечных результатов”. Оптимальность здесь рассматривалась в смысле институциональных условий, способствующих росту эффективности. Однако параллельно существовала проблема перехода от “преимущественно экстенсивных” способов производства к “преимущественно интенсивным”. Эта проблема хорошо осознавалась, но ее пытались решить директивно, принимая различные решения-постановления (химизация, механизация, АСУ, создание научно-производственных объединений и т.д.). Многие советские экономисты-прогрессисты посвятили этому массу публикаций, пытаясь “объяснить” правительству и министерствам, что они должны делать для появления в СССР передовых технологий производства. Тем самым в тогдашней политэкономии социализма существовало “слепое пятно”: *если система стимулов-санкций не обеспечивает внедрения инноваций, она не может быть “правильной” по определению*.

Таким образом, политэкономия социализма прошла путь от революционного признания возможности “рыночного социализма” в 1960-х к зрелости в 1970-х гг., после чего началось бесконечное самосовершенствование, характерное для стадии когнитивного застоя. Это совершенствование выражалось, с одной стороны, в определении и уточнении методик измерения конечных результатов – валовой, товарной, реализованной нормативно-чистой продукции, соблюдения плана поставок. С другой стороны, оттакивалось распределение результатов, связанное с моделями хозрасчета – нормативной,

“остаточной”, арендной. Отсутствие прогресса в деле “совершенствования” в конечном счете привело к неизбежному краху и смене парадигмы, что ознаменовалось принятием законов о государственном предприятии (объединении), об индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, малых предприятиях. Фактически это означало уже начало “ползучей приватизации” заводов и фабрик директорским корпусом, что неизбежно меняло все институциональное устройство СССР.

В настоящее время разобраться в речевых практиках советских политэкономов могут, пожалуй, только историки. Методы подсчета, использованные Г. Ханиным в “Лукавой цифре” [Селюнин, Ханин 1987, с. 18–201], были некорректны, в “Истоках” В. Селюнина возрождалась многократно опровергнутая марксистами риторика Ж. Прудона [Селюнин 1988, с. 162–189], в “Авансах и долгах” Н. Шмелева [Шмелев 1987, с. 142–158] мимоходом фальсифицировались международные сравнения (см., например, подробный разбор многих работ того времени в [Кара-Мурза 2009]), в “Где пышнее пироги” Л. Пияшевой, выступившей по псевдонимом Попкова [Попкова 1987, с. 239–241], приводилось сакримальное для шестидесятников противопоставление высказываний Ленина логике доживших до второй половины 1980-х гг. и измучивших советскую экономику проклятых сталинистов.

Современному читателю в этот мир “входа нет”, понять, почему эти публицистические работы вызывали столь большой резонанс и у широкой публики, и у профессиональных экономистов, с позиций нынешнего жителя постсоветской России невозможно. Но в то же время, дискурс “всесторонней интенсификации”, “непосредственно-общественного характера труда” или “общенародной собственности” представляется еще более герменевтическим и даже, пожалуй, эзотерическим. Без герменевтики невозможно ответить на, казалось бы, простой вопрос – почему реформы 1980-х гг. в КНР, содержание которых в основном совпадало с комплексом “косыгинских реформ”, привело к успеху, а ранее начавший институциональные изменения и располагавший несопоставимо большим технико-экономическим потенциалом СССР, напротив, распался. И недавно вышедшая монография, воспроизводящая в основных чертах официальную версию оттепели и застоя, является хорошим примером неудачи в поиске ответа на этот вопрос [Упущененный шанс... 2017].

Дискурсы современных российских институционалистов

В современных речевых практиках российских институционалистов, по моему мнению, доминируют следующие четыре типа:

- 1) реалистический: дискурсы “власти-собственности”, экономики “раздатка”, X-Y матриц, административных рынков, “ресурсной экономики”. Этот тип речевых практик во многом наследует традиции “перманентной революции” и троцкистской критики бюрократии и государства;
- 2) технократический (дирижистский, традиция “индустриализации-модернизации” сверху);
- 3) прогрессистский (традиция старых “рыночников”): государство благосостояния, опекаемые блага, “подталкивание” (поведенческая экономика);
- 4) неолиберальный (“глобализационный”, традиция 1990-х гг.), фритредерство, “привлечение иностранных инвестиций”, “выращивание институтов”.

Формально действующее российское законодательство запрещает рейдерство, защищает частную собственность. Но, по мнению большинства институционалистов, использующих речевые практики первого типа, оно никем не соблюдаются, потому при анализе реальности на официальные правовые нормы можно не обращать внимания. Для того чтобы охарактеризовать различие между своим реалистическим и фантастическим западным прогрессистским дискурсом, С. Кордонский использует парадокс популярного в 1970-е гг. в СССР польского писателя С.-Е. Леща: “В действительности все обстоит иначе, чем на самом деле” [Кордонский 2007, с. 65–82]. Отсюда фазы депрессий (либерализации,

ослабления государства, роста децентрализованного криминального насилия) сменяются фазами репрессий. По сути, из этого порочного круга можно выйти только с помощью демократической революции, “революции снизу”. Стоит оговориться, что С. Кордонский и О. Бессонова выводов о необходимости революции не делают, в их концепциях Россия обречена оставаться своеобразным институциональным уродом-мутантом. Другие авторы менее радикальны и допускают постепенную конвергенцию “западного” и “азиатского” способов производства, X- и Y-матриц.

Вариант “революции сверху” вписывается в длительную традицию российского институционального анализа, в которой государство рассматривается не как политическое *состояние народа*, но как главный действующий *субъект* реформ. Государство здесь – “единственный европеец”, народ в лучшем случае пассивен, “не понимает своего счастья” либо дремуч и консервативен, цепляется за архаические институты и технологии. В XXI в. в этом дискурсе обсуждаются требования мобилизации ресурсов и централизованного внедрения “технологий шестого уклада”, новой “промышленной революции”, перехода к нанотехнологиям, повальной “цифровизации”. Последующий за этим рост доходов автоматически приведет к росту социальной и правовой защищенности.

Прогрессистский и неолиберальный дискурсы используют риторику мейнстрима (кейнсианство и неолиберализм; или, в другой классификации [Крауч 2012, с. 152–188], традиционное и приватизированное кейнсианство). Эти речевые практики оппонируют и взаимно дополняют друг друга, образуя то, что в другой работе я определяю как авторитетный дискурс [Ореховский 2015, с. 91–115]. Принципиальным для последнего является использование концепта *институционального дизайна* – целенаправленного воздействия реформаторских стратегий на институциональную среду. Методологическим основанием этого концепта стал замечательно охарактеризованный Э. де Яси “политический гедонизм”: институты нужны индивидам постольку, поскольку они экономят издержки и доставляют “удовольствие от потребления законов” экономическому человеку [Яси 2016]. Это позволяет объединить институциональный анализ с неоклассикой. В работах российских институционалистов широко используется этот подход (например, у А. Аузана при росте дохода индивиды предъявляют соответствующий “спрос на государство” [Аузан 2014], а В. Полтерович рассматривает процесс реформ как переход от “затратных” к “эффективным” институтам [Полтерович 2007]).

Сфера марксистского дискурса среди отечественных экономистов резко сузилась уже в 1990-е гг. С одной стороны, если эволюцию советской экономики еще как-то можно было описывать в рамках марксизма, то “строительство капитализма” в условиях деиндустриализации, разрушения инженерной и социальной инфраструктуры сюда явно не укладывалось. Но с другой стороны, и мейнстрим с его “идентификацией прав собственности” в условиях рейдерства и децентрализованного криминального террора был явно недостаточным языком описания. Отечественная экономическая теория в это время находится в состоянии, близком к афазии. Травму, которая связана с необходимостью смены языка, хорошо описывает А. Кламер в предисловии к русскому изданию своей известной работы [Кламер 2015, с. XXIII].

Стабилизация в начале 2000-х гг. актуализировала как неолиберализм с его критикой государства и “тоталитаризма”, так и другие указанные выше дискурсы. Одновременно достигнут консенсус в отношении осуждения “радикальных реформ”. По-видимому, новые дискуссии о событиях 1990-х гг. в России станут возможными не раньше 2030-х гг.

После революционного сдвига в речевых практиках, которые произошли в конце 1990-х гг., во второй половине 2000-х – первой половине 2010-х гг. оттакивалась риторика, вводились рейтинги, совершенствовалась методика “измерения институтов”. В это время выходят в свет работы не только Аузана и Полтеровича, но и Кордонского, Нуреева и Латова, создаются “Журнал институциональных исследований” (JIS), “Журнал новой экономической ассоциации” и др. Однако во второй половине 2010-х гг., по моему мнению, появляются признаки когнитивного застоя. Отчасти это состояние можно диагно-

стировать по частотам упоминания тех или иных отдельных экономических понятий, инструментов анализа без упоминания (и, тем более, критического анализа) больших идеологических концепций, элементами которых являются эти понятия. Скажем, если использовать российскую e-library (дата обращения 30 декабря 2018 г.), то экономическим санкциям посвящено 192 852 публикации, а неомеркантилизму – 49. Шестому технологическому укладу – 15 579, новому технологическому укладу — 58 733, а дирэжизму – 597 публикаций.

Все это, конечно, достаточно сомнительные выкладки, учитывая насаждаемую государственными органами в НИИ и вузах “вынужденную граffitiю”. В то же время целый ряд предпринимаемых частных мероприятий очень напоминает “административный восторг”, торжествовавший в СССР перед его экономическим крахом. Примеры тому:

– переход к всеобщему измерению KPI (“key performance indicators” – ключевые показатели эффективности) – от оценок губернаторов до врачей и ученых. Это удивительно напоминает расчеты КТУ (коэффициентов трудового участия) и попытки позднесоветского стимулирования “эффективного труда”;

– повсеместное внедрение программно-целевых методов (БОР – бюджета, ориентированного на результат). На это было потрачено множество управлеченческих ресурсов, но каких-либо последствий для эффективности расходов не замечено. Также пытались переходить к программно-целевым методам и матричным структурам управления и в советское время;

– как и в СССР, в современных речевых практиках существует множество “слепых пятен”. Это обсуждение региональной политики при игнорировании возможностей переноса столицы; дискуссии о коррупции при игнорировании проблемы свободы слова (и последующей за публикацией необходимостью прокурорского вмешательства); вечная тема оптимизации налогообложения при игнорировании проблемы идентификации прав собственности; обсуждение необходимости диверсификации российской экономики – и непринятие во внимание действующего “полицейского” режима иммиграции, и т.д.

Résumé: попытка прогноза и постмодерн

Думаю, российскую экономику в ближайшее время ждет продолжение постоянного частичного реформирования, поэтому “институциональный дизайн” станет основным концептом, приблизившись по частоте упоминаний к “инновациям” и “конкуренции”. Напротив, сторонники теорий различных вариантов “власти-собственности” станут постепенно исчезать и маргинализироваться. Собственно, уже сейчас данный тип речевой практики трудно рассматривать как нечто единое. Скажем, Р. Нуреев и Ю. Латов гораздо ближе по своему стилю к Д. Норту и концепции порядков открытого и ограниченного доступа, чем к О. Бессоновой с ее “сдачами – раздачами”, С. Кордонскому с его “поместной Федерацией” или к А. Леденевой с ее “блатными связями”. Но пока существует социальный заказ на изображение России в качестве институционального урода, работы институционалистов этого направления будут востребованы.

Главное, однако, не в этом. На Леонтьевских чтениях в 2018 г. мне уже приходилось говорить о том, что произведения институционалистов написаны в двух основных жанрах – детектива и прокламации [Ореховский 2018, с. 28–49]. При этом жанр прокламации все больше начинает доминировать. Имеет место перформативный сдвиг, так красочно описанный Юрчаком, и который легко прослеживается по работам западных институционалистов, таких как Д. Макклоски, Д. Асемоглу (Аджемоглу), Д. Робинсона, У. Истерли и многих других. В их риторике главное – апология существующих западных институтов, их пропаганда, а заодно критика институтов, действующих во “втором мире”, будь то Китай, Россия или Турция. Очевидно, что западный институционализм переживает свой собственный застой, сопровождающийся характерными “слепыми пятнами”, приватизация ли это насилия или подъем правового популизма. Данный застой закончится

новым крахом, переосмыслением случившегося и революцией в социальных исследованиях, но источники травмы и механизм кризиса там, конечно, другие, нежели в России.

Однако и в российском институционализме жанр прокламации становится все более популярен, хотя перформативный сдвиг пока не произошел. Призывы к цифровизации и дирижистским методам управления встречают сильный отпор и не принимаются многими экономистами. Продолжается содержательная полемика между “прогрессистами”, настаивающими на патерналистской роли государства и увеличении государственных расходов в социальной сфере, и “неолибералами”, предлагающими различные схемы переноса государственных услуг и соответствующих расходов в частный сектор (создание образовательных ваучеров, увеличение медицинского страхования и т.д.). Поэтому, хотя работы российских институционалистов тоже используют риторику прокламации, пока они еще намного разнообразнее и противоречивее, чем западный мейнстрим. Это утешает – возможно, я ошибаюсь в своем диагнозе наступившего когнитивного застоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман А. (2018^a) Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман А. (2018^b) Общество, которое игнорирует насилие прошлого, совершает новое насилие (<http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/obschestvo-kotoroe-ignoriruet-nasilie-proshlogosovershaet-novoe-nasilie/>).
- Аузан А. (2014) Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Голанд Ю.М. (2006) Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М.: Экономика.
- Кара-Мурза С. (2009) Манипуляция сознанием. М.: Эксмо.
- Кламер А. (2015) Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Кордонский С. (2007) Ресурсное государство. М.: Регnum.
- Крауч К. (2012) Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело.
- Кун Т. (2003) Структура научных революций. М.: АСТ.
- Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 34. М.: Издательство политической литературы. С. 151–199.
- Нуреев Р.М. (2011) Россия: особенности институционального развития. М.: Норма: ИНФРА-М.
- Нуреев Р.М. (2018) Социализм как ренессанс азиатского способа производства: гетеродоксия или редукционизм? // Гетеродоксия versus экономический редукционизм: микро-, мезо-, макро-. Сборник трудов. М.: ИЭ РАН. С. 133–147.
- Ореховский П. (2015) Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. № 6. С. 91–115.
- Ореховский П. (2018) Стагнация в форме расцвета: анализ дискурса мейнстрима экономической теории // Экономическая теория: триумф или кризис? / Под редакцией А.П. Заостровцева. СПб., АНО МЦСЭИ “Леонтьевский центр”. С. 28–49.
- Попкова Л. (1987) Где пышнее пироги // Новый мир. № 5. С. 239–241.
- Политическая экономия. Учебник. (1954) М.: Государственное издательство политической литературы.
- Полтерович В.М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Селюнин В.И. (1988) Истоки // Новый мир. № 5. С. 162–189.
- Селюнин В.И., Ханин Г. (1987) Лукавая цифра // Новый мир. № 2. С. 181–201.
- Травин Д. (2018) “Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Трифонов Д.К., Широкорад Л.Д. (ред.) (1983) История политической экономии социализма. Л.: ЛГУ.
- Упущененный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) (2017) Под науч. ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС.

- Шмелев Н.П. (1987) Авансы и долги // Новый мир. № 6. 1987. С. 142–158.
- Эрлих А. (2010) Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Юрчак А. (2014) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Яси Э. де. (2016) Государство. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.

From permanent revolution to institutional design: the evolution of authoritarian discourse of Russian economists

P. OREKHOVSKY*

*Orekhevsky Petr – doctor habilitatus in economics, chief research fellow of the Institute of economics RAS; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: Moscow, Russia 117218, Nakhimovsky Ave, 32. E-mail: orekhovskyp@mail.ru

Abstract

The evolution of views on the socio-economic institutions operating in society supposes the existence of a process of cognitive changes. This process is not smooth, cumulative. There are three phases in the development: (1) of a revolutionary shift, during which the main research topics and rhetoric itself change; (2) improvements – analysis tools are improved, necessary data are collected and supplemented; (3) cognitive stagnation, which is characterized by the absence of discussions about the assumptions of institutional analysis, with a sharp increase in the number of works related to measurements, ratings, quality of statistical results. The lack of cumulativeness is associated with traumatic experiences that are caused by exogenous events in relation to economics (repression, financial collapse, military actions, etc.).

The work distinguishes three such cognitive cycles. The first is associated with the Trotskyist criticism of the “bourgeois” bureaucratic Bolshevik leadership in the late twenties and early thirties of the twentieth century, the necessary to move to a “permanent revolution”, and the subsequent Stalinist repression. The question of whether the Soviet system was socialist or whether it was state capitalism remained open, although in the 21st century it ceases to be so acute and relevant. The second cognitive cycle was associated with the discussions of the “marketers” and the planners-“cavalrymen” in the sixties and the subsequent Kostygin reforms. The traumatic experience associated with the entry of the Warsaw Pact troops into Czechoslovakia in 1968 leads to subsequent cognitive stagnation. The third cycle is due to radical market reforms in the countries of the former USSR in the 1990s. The incompleteness of the reforms and dissatisfaction with their results led to the transition to the search for the institutional design, which were gradually replaced by the next cognitive stagnation in the late 10s. XXI century.

Keywords: discourse, cognitive cycles, Trotskyism, socialism, institutional design.

REFERENCES

- Assman A. (2018^a) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Assman A. (2018^b) *Obshchestvo, kotoroye ignoriruyet nasiliye proshlogo, sovershayet novoye nasiliye* [A society that ignores the violence of the past is committing new violence]. (<http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/obshchestvo-kotoroe-ignoriruet-nasilie-proshlogo-sovershaet-novoe-nasilie/>).
- Auzan A. (2014) *Ekonomika vsegoto. Kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [Economy of all. How institutions define our life]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Boltanski L., Chiapello E.. (2011) *Noviy dukh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Crouch K. (2012) *Strannaya ne-smert' neoliberalizma* [Strange non-death of neoliberalism]. Moscow: Delo.
- Erlikh A. (2010) *Diskussii ob industrializatsii v SSSR. 1924–1928* [Discussions about industrialization in the USSR. 1924–1928]. Moscow: Delo.

- Goland Y.M. (2006) *Diskussii ob ekonomiceskoy politike v gody denezhnnoy reformy 1921–1924* [Discussions on economic policy in the years of monetary policy in the years of the monetary reform of 1921–1924]. Moscow: Ekonomika.
- Kara-Murza S. (2009) *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo.
- Klamer A. (2015) *Strannaya nauka ekonomika: priglasheniye k razgovoru* [Strange science economics: an invitation to talk]. Moscow; St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gaydara, Mezhdunarodnyye otnosheniya, Fakultet svobodnykh nauk i iskusstv SPbGU.
- Kordonskiy S. (2007) *Resursnoye gosudarstvo* [Resource State]. Moscow: Regnum.
- Kuhn T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST.
- Lenin V.I. *Grozyashchaya katastrofa i kak s ney borot'sya* [Impending disaster and how to deal with it]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Collected works], vol. 34. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Nureyev R.M. (2011) *Rossiya: osobennosti institutsional'nogo razvitiya* [Russia: features of institutional development]. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Nureyev R.M. (2018) Sotsializm kak renessans aziatskogo sposoba proizvodstva: geterodoksiya ili reduksionizm? [Socialism as a renaissance of the Asian mode of production: heterodoxy or reductionism?]. *Geterodoksiya versus ekonomiceskiy reduksionizm: mikro-, mezo-, makro-*: [Heterodoxy economic rationalism: micro-, meso-, macro-versus]. Moscow: IE RAN, pp. 133–147.
- Orekhovskiy P. (2015) Avtoritetnyy diskurs rossiyskogo ekonomista [The authoritative discourse of the Russian economist]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 91–115.
- Orekhovskiy P. (2018) Stagnatsiya v forme rastsverta: analiz diskursa meynstrima ekonomiceskoy teorii [The stagnation in the form of flourishing: an analysis of the discourse of the mainstream of economic theory]. *Ekonomiceskaya teoriya: triumf ili krizis?* /Pod redaktsiyey A.P. Zaostrovtsya. St.-Petersburg: ANO MTSSEI “Leont'evskiy tsentr”, pp. 28–49.
- Popkova L. (1987) Gde pyshnaye pirogi [Where richer pies]. *Noviy mir*, no. 5, pp. 23–241.
- Politicheskaya ekonomiya. Uchebnik (1954) [Political Economy. Textbook] Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Polterovich V.M. (2007) *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reform]. Moscow: Ekonomika.
- Selyunin V.I. (1988) Istoki [Origins]. *Noviy mir*, no. 5, pp. 162–189.
- Selyunin V.I., Khanin G. (1987) Lukavaya tsifra [The Evil Number]. *Noviy mir*, no. 2, pp. 181–201.
- Shmelev N.P. (1987) Avansy i dolgi [Advances and debts]. *Noviy mir*, no. 6, pp. 142–158.
- Travin D. (2018) “Osobyy put’” Rossii: ot Dostoyevskogo do Konchalovskogo [The “special way” of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky]. St. Petersburg: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Trifonov D.K., Shirokorad L.D. (red.) (1983) *Istoriya politicheskoy ekonomii sotsializma* [The history of the political economy of socialism]. Leningrad: LGU.
- Upushchenniy shans ili posledniy klapan? (k 50-letiyu kosyginskikh reform 1965 g.) (2017) [Missed chance or last valve? (on the 50th anniversary of the Kosygin reforms in 1965)]. Ed. P. Nureev]. Pod nauch. red. R.M. Nureyeva. Moscow: KNORUS.
- Yasai E. de (2016) *Gosudarstvo* [State]. Moscow, Chelyabinsk: IRISEN, Sotsium.
- Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’*. *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.